

**Предисловие и комментарии
Г.П. МАТВИЕВСКОЙ и
А.Г. ПРОКОФЬЕВОЙ**

Владимир Иванович Даль более известен как автор "Словаря", чем как писатель. Возможно, поэтому его литературное наследие недостаточно изучено. Не исследована в полной мере обширная переписка писателя. Отдельные письма Даля, вернее в основном фрагменты из них, публиковались в некоторых томах "Литературного наследия", посвященных А.С. Пушкину, Н.А. Некрасову, в книге Н. Барсукова "Жизнь и труды Н.П. Погодина" (С.-Пб., 1892). Небольшие отрывки из неопубликованных писем Даля приводились в книге В.И. Порудоминского "В.И. Даль" (М., 1971), в ряде статей разных авторов.

Из эпистолярного наследия Даля жителям Урала должны быть особенно интересны письма, отправленные из Оренбурга.

В силу сложившихся обстоятельств (писатель вынужден был уехать подальше от глаз III отделения после выхода первого своего сборника "Русских сказок") В.И. Даль восемь лет (1833-1841) прожил в Оренбурге, будучи чиновником особых поручений при В.А. Перовском, и за это время основательно изучил Оренбургский край. Из Оренбурга Даль писал не только своим родственникам, но и целому ряду столичных литераторов.

Литературные связи писателя значительно укрепились во время его продолжительного служебного пребывания в Петербурге зимой 1836-1837 гг. К сожалению, эта поездка была омрачена трагической кончиной А.С. Пушкина. Даль был у постели умирающего поэта, как врач старался облегчить страдания раненого. По воспоминаниям К. Данзаса, Даль до самой смерти Пушкина оставался в его доме вместе с другими друзьями поэта, и именно в последние минуты жизни Пушкин

стал обращаться к Дально на "ты". В написанных впоследствии воспоминаниях о Пушкине В.И. Даль упоминает о пушкинских вещах, полученных им на память от вдовы поэта и привезенных в Оренбург - простреленном сюртуке, перстне с изумрудом, "который он всегда носил последнее время и называл - не знаю почему - талисманом". Об этом перстне писал Даль В.Ф. Одоевскому, одному из друзей Пушкина, который был помощником поэта в редактировании и издании журнала "Современник". Когда умер Пушкин, Одоевским был написан известный некролог "Солнце русской поэзии закатилось". Именно В.Ф. Одоевскому, как наиболее близкому человеку из пушкинского литературного окружения, прислал в 1835 или 1836 г. (по предположению В.И. Порудоминского) Даль стихотворное послание Пушкину, переписанное писателем и подписанное псевдонимом Даля - "Казак Луганский". В этом послании, написанном раешным стихом (полностью оно было опубликовано исследователем Ю.П. Фесенко в журнале "Русская речь", №2, 1999), отражена литературная борьба пушкинского времени, высмеян журнал "Библиотека для чтения" и его редактор и издатель О.И. Сенковский, называемый в стихотворении "пройдохой" и "единоторжцем", готовым "за место воды простой... продавать поганый настой".

Среди тех, с кем В.И. Даль особенно сблизился зимой 1836-1837 гг., был А.А. Краевский (1810-1889), который с 1834 г. был помощником редактора "Журнала Министерства народного просвещения", в 1837-1839 гг. редактировал газеты "Литературное прибавление к "Русскому инвалиду", "Литературная газета", "Санкт-Петербургские ведомости", "Голос". Краевский сотрудничал с А.С. Пушкиным (был техническим редактором пушкинского

"Современника") и после его смерти поместил в своей газете (30 января 1837 г.) упоминавшийся выше знаменитый некролог В.Ф. Одоевского.

В. Даль из Оренбурга отправлял Краевскому не только свои сказки, рассказы и очерки, но писал по его просьбе рецензии (например, на произведения драматурга Г.Ф. Квитки-Основьяненко).

Когда А.А. Краевский в 1839 году после смерти А.Ф. Воейкова начал издавать свой журнал "Отечественные записки",

Письма из Оренбурга

В. Даль стал его активным сотрудником. Так, в вышедшем в том же году третьем томе журнала была опубликована повесть "Бедовик", доброжелательно встреченная критикой. В.Г. Белинский писал, что в ней "так много человечности, доброты, юмора, знания человеческого и, преимущественно, русского сердца" и что "характер героя ее - чудо".

Круг корреспондентов В.И. Даля был достаточно широк. Среди них был П.А. Плетнев (1792-1865), известный литератор, профессор Петербургского университета, один из ближайших друзей А.С. Пушкина и А.А. Дельвига, редактор "Современника" в 1838 г. Живя в Оренбурге, Даль переписывался с историком, литератором, журналистом М.П. Погодиным (1800-1875), который в 1841 г. вместе с С.П. Шевыревым начал издавать журнал славянофильского направления "Москвитин".

Письма В.И. Даля из Оренбурга свидетельствуют не только о напряженной творческой работе В. Даля как писателя и ученого, но и о его активном участии в литературной борьбе того времени, сообщают много важных сведений о событиях, происходивших в Оренбурге, в культурной жизни оренбуржцев.

Из письма публиковался лишь отрывок о талисмане Пушкина.

Письмо написано на тонкой почтовой бумаге с оттиском рисунка и надписью: "Вид дома в деревне Андреевке Оренбургской губернии".

¹ Башуцкий Александр Павлович (1803-1876) - литератор, журналист, редактор журнала "Иллюстрации". (1847-1849), издатель книги "Наши, списанные с натуры русскими", в которой был напечатан очерк В. Даля "Уральский казак". Предполагается, что Даль с Башуцким познакомился в конце 1836 года. Известно, что, узнав именно от Башуцкого о ранении Пушкина, Даль отправился к умирающему поэту.

² Основьяненко (наст. фамилия - Квитка) Григорий Федорович (1778 - 1843) - прозаик, драматург, поэт, автор исторических и этнографических очерков; писал на русском и украинском языках, автор комедии "Сватанья на Гончарівці", повести "Солдатский портрет".

³ Виельгорский Михаил Юрьевич (1788 - 1856), граф. - композитор-дилетант и знаток музыки.

Письма А.А. Краевскому

1 сентября 1837 г. Оренбург

Спасибо Вам, почтеннейший

Андрей Александрович, что от-

писали ответ: теперь по крайней мере знаю в чем дело. Слушайте: 5-го апреля 1837 года писал я по почте Башуцкому и Одоевскому и извещал последнего о посылке моей, а от 6 апреля отправил на имя А.П. Башуцкого, к которому послана рукопись для издания особою книжкою..., отправил русский перевод Солдатского портрета Основьяненко и довольно основательный разбор Сватанья и просил покорно передать Вам или князю В.Ф. На все это не получил ни строки в ответ. Писал Башуцкому вторично, в июне, но также услышал одно молчание. Кажется, посылка пропасть не могла: а разбор Сватанья вторично писать не могу, потому что отправил черную рукопись, и некогда было переписывать и не хотелось откладывать. Через Башуцкого же, 24-го июля, послал Вам преполитическое стихотворение "Не стыдно ли Вам", которого, вероятно, нельзя будет напечатать.

Когда получу 2-ю ч. Повестей Основьяненко, то потороплюсь написать и прислать требуемое. Ныне у нас разгон был велик. Некогда было почти неделями про себя заняться, так что не успел даже еще отправить Плюшару¹, почтенному и многоуважаемому, десятка два статей на букву Г. Впрочем, они почти кончены и переписываются; вот переписка здесь беда... такие все лишние грамотеи, что того и гляди из Луки сделают Акула, все наизнанку вычеркнут. Не знаю, что думать о молчании безответного Башуцкого - если он здоров, то не приберу причины... Если можно, Андрей Александрович, то пришлите мне о чем просить буду... Виноват, что нагружаю Вам на шею: право, просить некого, а писать прямо книготорговцам, как мы, губернные жители, знаем, чрезвычайно неудобно. Они все большие паны, не допроситься, не домоливаться и считаться с ними не дай Бог. Если Вам некогда, то просто оставьте или отложите, лишь бы хотелось: Русские простонародные предания и суеверия, обряды, Снегирева².

Сочинения Сахарова³ - они мне были подарены им, да, видно, забыл, а хочется, чтоб были.

Подписать на сочинения Пушкина и на Современник.

Подписать от имени: Высокобл. Николая Николаевича Дурасова⁴, на соч. Пушкина и на Литератур. прибавл. И выслать и то и другое в Оренбург.

Если возьмете на себя все это, то всеижайше позволяю Вам именоватьсь впредь моим комиссионером; а получив от Вас расчет, буду благодарить. Если случится Вам зайти куда-нибудь в книжную лавку, то возьмите и пришлите... наставление лечиться гомеопатически, или Русское лечение, как здесь не дают покою, отвечать я обязан, а допроситься и этой книжки, в числе других, не могу.

Повести у меня есть, с четыре, да продолговаты, в Ваш журнал не годятся. Что бы Вам издавать его книжкой? Каждая статья была бы угодна и менее бы были связаны. Спасибо, что обещаете прислать 2-ю часть Основьяненко. Вероятно, получу с тяжелой почтой; по заказу можете обращаться таким образом ко мне смело, все будет исполнено, что смогу, на что станет сил. Хотелось мне прислать Вам попр(авленные?) отрывки из перевода Абулгазия, которого я достал из Бухары писанный экземпляр, вернее печатный...(?), в котором тьма опечаток, да это, кажется, для газеты не идет, будет тяжело и сухо. Можно бы отсюда прислать Вам много повестей о хивинских дикарях, да Азиатский департамент, кажется, не велит; чего доброго, потянут к допросу, а этого очень не люблю. Пуганый сын и притолока боится.

Затем - прощайте...

В. Даль

Письмо написано на почтовой бумаге с рисунком, указывающим, что это башкирские горы (вершины Малого Кизила) Оренбургской губернии.

¹ Плюшар А.А. (1806-1865) - петербургский книгопродавец и книгоиздатель, издатель "Энциклопедического лексикона" (1835-1841).

² Снегирев И.М. (1793-1868) - этнограф и археолог.

³ Сахаров И.П. (1807-1863) - этнограф, фольклорист, археолог.

⁴ Дурасов Н.Н. - в 1844-1862 гг. предводитель оренбургского дворянства, в 1830-е годы - чиновник императорской канцелярии, прикомандированный к оренбургскому губернатору В.А. Перовскому.

В. Даль

(Окончание следует)

Из писем В.И. Даля В.Ф. Одоевскому

Письмо, условно датированное 1835 годом, переписанное писателем и подписанное Казак Луганский.

Александр Сергеевичу Пушкину

Дошли, наконец, благодатные слухи
До степей, которые глухи и сухи,
Где, однако ж, обитает народ,
У которого, не хуже людей, свой лоб и рот,
Свои пять пальцев, свой ум, свой кум,
Да есть с кем душу отвести, односум -
Дошли, говорю, слухи и до нас,
До жителей кромешных, про пиво, да про квас.
Благослови вас Господь на доброе дело!
Пора, давно пора, и время пришло;
А помянул я слово, про пиво да про квас:
Да есть, никак, поговорка у нас:
Часом де с квасом, а порою с водою.
Он так - и вода Божий дар, с нее нет и запоя,
Пей воду, что гусь, коли нет вина;
Да и тут, вишь, как всюду, пора не равна.
Коли я зашел к тебе: дай, брат, напиток!
А у тебя, на ту пору, кваску не случится,
Так честуй меня тем, что Бог послал;
Подноси ковш воды, ты меня не звал,
И в гости не ждал, и вина не обещал;
А коли ты затеял пир на весь мир,
Коли сам расславил, что богат, как Кир,
Что будет, де, всякая причина и машина,
Будут всякого калибра яства и вина -
Да зазававши, посадишь за хлебец с водой,
Так ведь тут иной скажет: дуйте горой!
- а не все ж один учливый люд на свете,
Есть и у меня один нахал на примете -
Скажет: дуйте горой, и с пресной водой!
А коли кто еще станет вином торговать,
Да вместо вина, станет воду продавать?
А коли кто его, вино, еще на откуп возьмет,
Единоторжец какой, откупщик, да нальет
В винную бочку, да пресной воды,
И станет - да тут и не оберешься беды!
Станет отпускать вам за деньги водицу,
Так что сказать вам про такую птицу?
Как его честовать и как называть,
Чтобы попристойнее пройдохой обругать!

А коли он еще, заместо воды простой,
Да станет продавать поганый настой,
Болотную, мутную, либо морскую воду,
А сам, знай, славить будет по народу,
Станет божиться вам, клясться в глаза,
Что вы-де, господа, не смыслите ни аза,
Коли скажете, что пошло мое не вино;
Вот это-то самое и есть оно;
А все прочее иное, хоть и пьяно, да не вино;
Мое, правда, солоновато, это я знаю,
Да соль душа жизни; затем ее и подсыпаю;
Соль кобылка моя, на ней-то я и выезжаю!
Пейте, други мои, пейте; пейте, да не лейте!
А и пуще того, денег не жалейте:
Я один только и варю про вас путное пиво;
Да какое ж пиво! это пиво на диво!
Пейте, друзья, пейте пиво это,
Пейте зиму и пейте лето;
А опричь моего пива, другого не пейте:
И подумать о том, чтобы пить, не смейте;
Не то - ко мне его, так уж я, для вас,
Подслащу его солью, и выйдет - хоть квас;
Либо уж просто - да только пить не смейте -
Просто в помойную яму лейте;
Туда ему и дорога, что с ним и возиться!
Оно - скажу, не отведав, - никуда не годится!
Ой, братья мои, с таким человеком -
Нехотя согрешить и людей насмешить!
С таким человеком, да нашим веком,
Где все уже в рост и в цвет пошло -
На свете жить и совестно и тяжело.
Всякое дело, на своем месте, пригодно и живет;
А соль его к вину да к пиву нейдет.
Да и соль его не соль, горчавка, прогойка,
А вино его какая-то недобрая настойка.
И захотел он один и кутить и мутить
И заряжать, и палить, и разливать, и обносить,
И спасать, и топить, и месить, и варить,
Клеить, ворожить, пить, лить и шалить -
Сам и пашет, сам и жнет, сам молотит, сам и веет,
Сам мелет, сам жует, сам и деньги с нас берет -
Да это, братцы мои, беда бедой!
Эдак пропадешь ты совсем и с головой;
Собыют тебя с ладу, собыют тебя с толку -
Уйдешь от лисы, так попадешь к волку!
А волк и лиса и иной скот и зверь,

Письма из Оренбурга

(Окончание. Начало в №1)

Письма А.А. Краевскому

30-го.....1837. Уральск¹

Пишу Вам, любезный Александр Андреевич, пишу записочку эту из Уральска, где сидим мы с делами² нашим уже три недели. Пользуясь отходом фельдъегеря, чтобы поднести Вам да еще кой-кому памятную записку, которую писал по поручению правительства. Если будет время, прочтите ее. Я очень радовался, что попытка моя в этом роде была принята; что пользы писать для народа так, чтобы он ничего не понимал? Конечно, можно бы написать еще живее и проще, но это, вероятно, не понравилось бы, надо было держаться середины.

За что Вы забраковали мой разбор Сватанья? Длиннен или короток, широк или узок? Или опоздал? Досугу не слишком много; нельзя было кончить раньше...

У меня есть кое-что и довольно подготовлено, с пяток повестей и рассказов, да не удосужился пересмотреть и главное - нет переписчиков. Когда вернемся в Оренбург, хотелось бы отправить Вам. А "не стыдно ли Вам", вероятно, негде было напечатать? Прощайте, ходите пешком и будьте здоровы.

В. Даль

¹ Уральск - в 1830 г. уездный город Оренбургской губернии.

² "Дела" - очевидно, речь идет об инциденте, который произошел 16-17 июня при посещении Уральска путешествовавшим по России наследником престола (будущим императором Александром II), когда группа казаков пыталась подать ему жалобу о притеснении местных властей. После отъезда высокого гостя наказной атаман В.О. Покатилов оповестил военного губернатора В.А. Перовского об "опасном брожении умов в казачьем войске" и тот прибыл в Уральск с войсками для разборчивости, в котором должен был участвовать и чиновник особых поручений В.И. Даль.

26-го февраля 183 (8?) Оренбург

Вот уже и опять... письменное к Вам послание, почтенный Андрей Александрович, но на этот раз коротенькое и по поводу небольшого поручения: Василий Алексеевич Перовский¹ просит Вас принять на себя труд узнать, действительно ли, по общим слухам, печи Дихта так превосходны, как они описаны у Вас, и если да, то нельзя

довольно длинную повесть Бедовик, которую, выправив, намерен Вам послать. Получил ли Одоевский мое письмо Об омеопатии?

Любопытно знать, как теперь "Библиотека" устоит против С.О.² Полевой³ умеет занять читателей, особенно в журнале, это его рука. Чай, барон⁴ морщится: это не вкусно.

Не забудьте, пожалуйста, о печках Дихта и уведомьте хоть одной строчкой. Прощайте и сохраните нас в памяти своей до первого свидания.

В. Даль

¹ Перовский Василий Алексеевич (1795-1857), граф, - генерал-адъютант, военный губернатор Оренбургского края в 1833-1842 и в 1851-1856 гг.

² Враскин Борис Алексеевич (1795-1880) - литературный переводчик, "содержатель" типографии, в которой печатался "Современник" Пушкина, родственник князя В.Ф. Одоевского.

³ Ханыков Яков Владимирович - ученый, занимавшийся статистическим и географическим описанием Оренбургского края.

⁴ Генс Григорий Федорович - председатель Оренбургской пограничной комиссии.

⁵ Дьяконов Александр Никифорович - учитель Оренбургского Неплюевского военного училища.

⁶ С.О. - очевидно, журнал "Сын отечества".

⁷ Полевой - вероятно, Николай Алексеевич (1796-1846), писатель, журналист, критик, издатель журнала "Московский телеграф", редактор "Сына отечества".

⁸ Барон - О.И. Сенковский, имевший псевдоним "Барон Брамбеус".

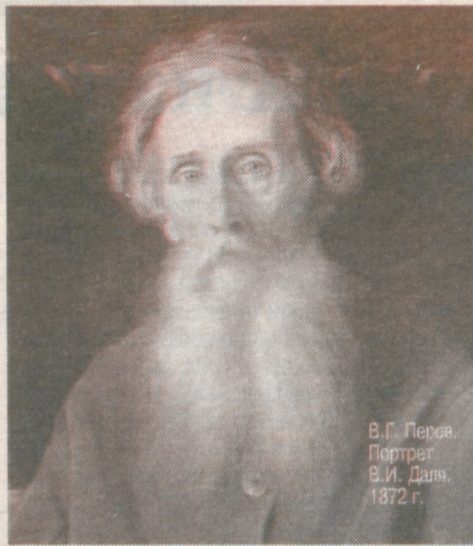
4 октября 1838 г. Оренбург

Благоуверенным письмом своим, почтенный и любезный Андрей Александрович (вначале было написано Александр Андреевич, затем зачеркнуто и в скобках приписано: "виноват"), обрадовали и утешили Вы меня как нельзя больше. Новости неожиданные и тем более радостные. В самом деле, журналистика наша была в отчаянном положении; по крайней мере издавала на нее глядя, кажется, что каждому доброму человеку надо бы было обходить омут этот и устраняться от всякого сношения с людьми, у которых вместо совести лежит полновесный медный пятак. Теперь я весь Ваш; чем могу служить, рад раде-хонек, лучшего места я скромным думам и мечтам своим не желаю. У меня найдется готовых три или четыре повести, от 10-15 листов каждая (печатных), и по мере того, как их перепишут, все присылаю. Пришлю также, как только управлюсь, кипу других вещей, сколько наберу. Бедовик и затем Мичман Поцелуев, а потом и Савелий Граб придут к Вам один за другим и Бедовик скоро, только бы не принести ему Вам беды!

Относительно прочих сотрудников, о которых Вы пишете, дело обстоит гораздо посомнительнее. Генс (ерал) Генс имел уже несколько раз маленькие неприятности за сведения, которые сообщал другим, - Вы знаете, что у него все секрет, даже статистика. География Киргизской степи, Бохары, Хивы и Кокана. Поэтому он решительно ничего печатать не хочет; я буду таскать у него помаленьку, что могу, и извлекать, что можно. Но и у меня досугу не больно сколько бы на все это надо. Что можно сделать. Есть у нас еще молодой человек, Нагибин, и от него

получите, вероятно, что-нибудь, он будет работать все, на что я ему укажу, человек с головой, и если заплатите ему работу, если найдете, что статьи годны, то помогать Вам будет. Дьяконов пропадает по пяти и по шести часов в день и человек сверх того хворый; много ли тут остается времени? Между тем я вытерблел у него статью о раскольниках, статью очень занимательную и любопытную. Ханыков ничего нигде не может печатать, кроме в журнале М(инистерства) Народ(ного) Просв(ещения); вот почему он даже от печатания должен отказаться вовсе...

Сделайте на новое знакомство милость, вышлите мне, в счет нашего расчета, книжку Дихта, нам нужно ее непременно. Если позволите, то к вам также явится вскоре кто-нибудь с запиской от меня для получения что будет следовать по расчету за напечатанное уже; буд-

В.И. Даль.
Портрет
В.И. Далья
1872 г.

те так добры, отправьте и направьте его куда будет следовать. Пришлю также поправки для статей Энц(иклопедического) лексикона; но в издаваемом ныне я не участник и не пошлю даже того, что уже заготовил. С Сенковским пусть водится Сатана, а не наш брат.

Вы не пишете ни слова, почему не напечатали статью мою об омеопатии; она послана была вам от 26 октября, прошлого года. Я не претендую, но желал бы только знать почему? При случае вы мне это скажете.

Прощайте и будьте здоровы; на будущий год Лит(ературные) Приб(авления) не высылайте; по размышлению пришлите Отеч(ественные) Записки, я первый подписчик. Бога ради, не забудьте книжку Дихта.

В. Даль

На полях: "П.А. Плетнев писал мне уже, что он в Современнике".

16 мая 1839

Здравствуй, Андрей Александрович, и живите здорово!

У нас также все по-старому, готовимся в учебную экспедицию, на Арал, а при этом случилось разной работы столько, что я сделался виноватым перед Б.А. Враскиным, не прислав еще обещанного; прошу сказать ему, что это случилось по действительному недосугу; впрочем, три штуки он скоро получит; переписчики наши набирают по жиденькому листику в день и это также немаловажно...

Отечественных записок я получил доселе только 2-й том; не знаю даже, вышло ли больше, а Вы изволите рассуждать со мною о пятом!

Если увидите гр. Соллогуба¹, то сделайте одолжение, поклонитесь ему и скажите, что отец и командир приказал мне прислать в Альманах статьи; и так, если он состоялся и статья моя еще и... годится, то прошу покорно уведомить меня одною строчкою. В то же время получил я разрешение на статью о Красном Яриле; но не знаю, скоро ли успею ее отделать. Не досужно.

Пожмите ручку Одоевскому; поличие² его теперь живьем ходит по улицам Оренбурга и навещает иногда и меня; это Ковалевский³, горный, который был в Черногории и теперь едет в Бохару... славный и красивый человек. Он необыкновенно походит на кн. Одоевского.

Не могу привыкнуть к одинокой жизни своей 4 и едва ли когда привыкну, забуду прошлое и помирюсь с настоящим.

В. Даль

¹ В.А. Соллогуб (1813-1882) - писатель, воспитанник, как и Даль, Дерптского университета, в 1830-е годы часто бывал у В.Ф. Одоевского.

² Поличие (по Далю) - облик, лик, лицо.

³ Ковалевский Егор Петрович (1809-1868) - горный инженер, писатель, путешественник, автор книги

очерков "Странствователь по суше и морям".

⁴ Даль, очевидно, имеет в виду смерть своей первой жены, умершей в Оренбурге в 1838 г.

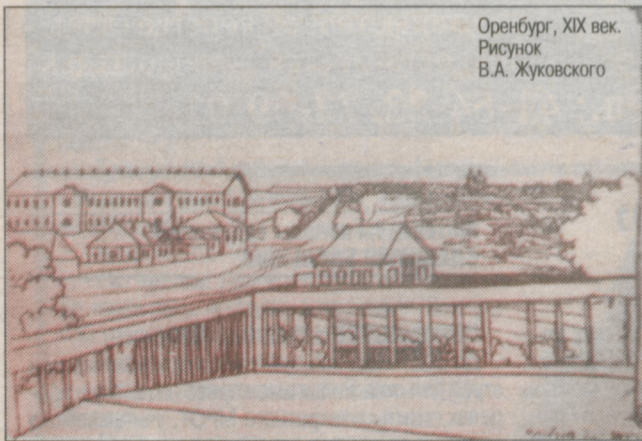
Из писем В. И. Далья М.П. Погодину

"Радуюсь душевно вашему здоровью, радуюсь также весьма, что вы остаетесь в Москве, у нас были слухи, что вас перезвали к такому делу, от которого нельзя было бы отказаться. Скорблю душевно, что у нас идет все то не от житейских суев и трудностей издания - а от препятствий, убивающих дух. При таких обстоятельствах руки не поднимаются на работу, голова тупеет, сердце дремлет".

"Это первый журнал, в котором есть цвет, краска, видишь, что издатель держался цели, маяка, знаешь, чего искать и ожидать, словом, это завлекает. Знакомить русских с заморьем в таком духе, как вы делаете, знакомить русских с Русью, это предмет, это цель, это задача - и задача достойная. К сожалению, я Шевырева знаю мало; не знаю, как ему покажется, если я осмелюсь высказать, что я думаю и чувствую, читая статью его; но я бы желал, чтобы все, что мне и другим добрым людям удастся написать, было разобрано так. При такой критике всякое самодушие, всякая личность становится поодаль, в сторону, глядишь на произведение, а не на человека, сердце порывается к истинно прекрасному, парит гораздо выше пресмыкающихся в прахе. Разругай меня в пух на этот лад и строй, и у меня не станет на критика ни одной капли желчи, я с душевным уважением протяну к нему руку. Тут критик и сочинитель в стороне: тут на поприще одно только произведение и олицетворенное искусство, изящное художество. Мы отвыкли от этого ладу. Расхвалить и разругать сделались издавна техническими выражениями нищенской критики нашей в мишурных галунах; критика - царь. Но какого царя нам доселе показывали? Нам выводили на позор царя шпалерного, с короной и державой под сусальным золотом, из-за которого выглядывал, для увеселения публики, балаганный шут, от которого в казарменных представлениях предостерегают зрителей первого ряда скамеек... Если вы прежде заглядывали в журналы, то убедитесь, что во мне не говорит обиженное самодушие; меня не разругали, сколько знаю и видел по крайней мере, нигде..."

"Издатели Отечественных Записок люди добрые, прекрасные, я с ними давно короток, я готов был принести малые силеньки свои им в помощь также охотно, как теперь вам, они платят мне двести рублей за лист, но я отстал потихоньку (между нами!), потому что желудок у меня не варит того духа, который управляет издателями. Сначала я писал к ним, высказал чистосердечно все, что чувствовал и думал, что не идет благомыслящим, благородным людям руководствоваться такими правилами, таким духом: это жалкое подражание барону Брамбеусу, жалкое тем, что оно невольное, бессознательное; не поверили, не могли или не хотели отстать; язык хуже, чем был в Библиотеке; критика - хоть святых выноси; крючки, придирки, личности... Безбожным языком переведенные романы в пять, шесть томов печатаются сподряд - разве это журнал?"

Письма В. Далья Погодину написаны в последние годы пребывания в Оренбурге (1840 - 1841); опубликованы в 1892 г. Н. Барсуковым, ссылающимся на "Москвитянина", № XI, 1841 г. В письмах высказано отношение писателя к журналам того времени - "Отечественным запискам" и "Москвитянину", первый номер которого, вышедший 1 января 1841 года и содержавший статьи М.П. Погодина ("Петр Великий"), С.П. Шевырева ("Взгляд русского на образование Европы"), ставшее знаменитым стихотворение Ф.Н. Глинки о Москве, имел большой успех у читающей публики.

Оренбург, XIX век.
Рисунок
В.А. Жуковского

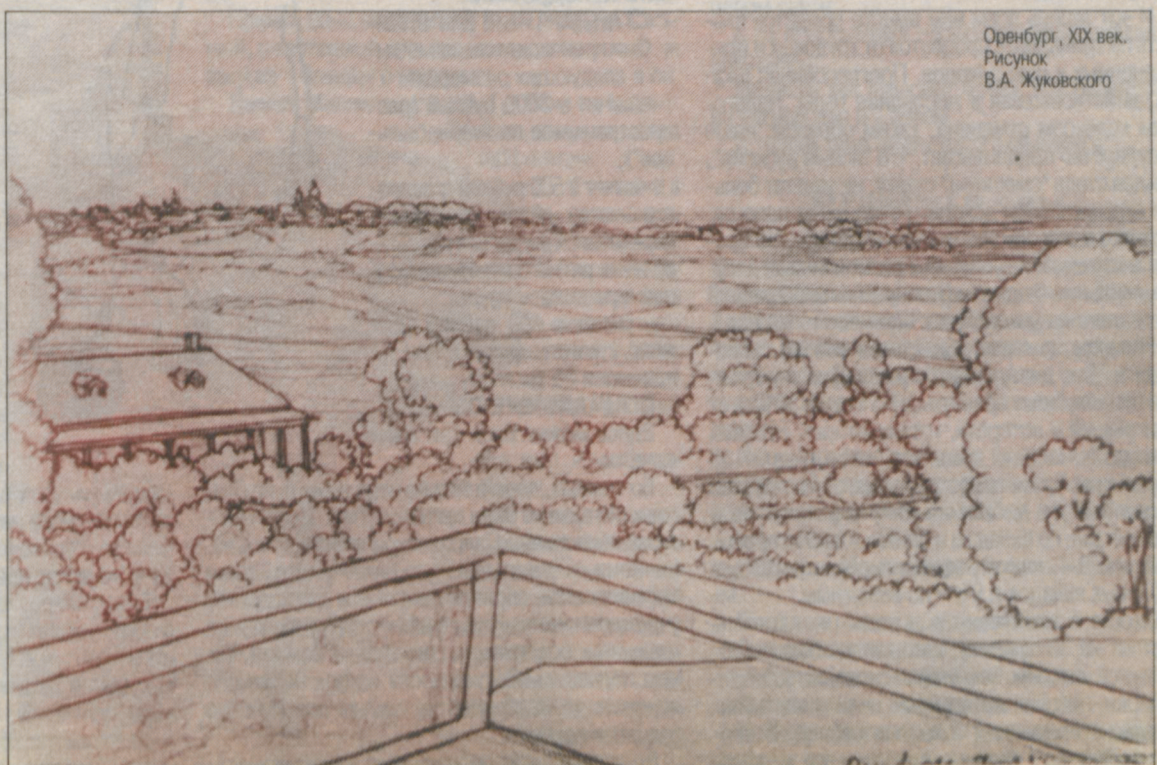
ли уведомить в двух словах, чего будут стоить подробнейшие чертежи таких печей, так, чтобы каждый архитектор мог по ним их выстроить? Если можно, то исполните это дело общей пользы и в угоду нашего отца и командира.

Спасибо Вам за обстоятельное письмо Ваше: получил в глуши. Я знаю по себе, что приятному человеку трудно писать письма в четыре страницы и вообще вести пустую переписку - но тем более благодарен за каждую строку.

Вы советуете мне избрать Писматого² в комиссионеры; прекрасно - но как понимать совет этот, не знаю; я Враского видел два или три раза у Одоевского, вот все наше знакомство, потому добрый совет Ваш неудобоисполним. Также не понял я, для чего Вы отдали ему деньги от Плюшара; пересылать сюда мне их не нужно, а всего бы лучше отдавать купцу Федору Ивановичу (...?), в Демидовском переулке, в доме Шпекта. Впрочем все равно, делайте как хотите.

Статьи с ученых вечеров наших хотел прислать Вам, едва ли будет можно, потому что мы с Ханыковым³ затеваем издать - если со временем удастся - Оренбургский сборник, в который войдут лучшие статьи с этих вечеров.

Далее надежды замечательных и достойных печати статей было только четыре: генерал-майора Генса⁴, о происхождении кайсаков; Ханыкова, о философии истории; Иванова, о мусульманских школах или медресах и так называемой учености здешних мусульман и, наконец, Дьяконова⁵, о раскопках и в особенности об Иргизском монастыре. Я читал им последним вечером

Оренбург, XIX век.
Рисунок
В.А. Жуковского